

важные, элементы должны быть окончательно обоснованы в качестве мерянских и реконструированы в своей исходной форме. Установление собственно мерянской принадлежности лексики опирается при этом на частные критерии внешнего и внутреннего порядка. К первым принадлежат критерии социолингвистический (ориентация мерянской лексики как субстратной на социологически «низкие», особенно в апелляциях, слои словаря — конкретные детали местной природы, быта, реалий, просторечие и вулгаризмы), лингвогеографический (связь лексики с постмерянской территорией), лингвистический (зависимость от обстоятельств внешней истории языка — миграций его носителей и преемников его элементов, связей мерянского с другими языками и т. п.). Ко вторым (внутренним) критериям относятся черты внутренней структуры мерянского, в общей сложности выделяющие его на фоне других финно-угорских языков: фонетический (переход гласных новых закрытых слогов в гласные более высокого подъема ($a > o$, $o > u$, $\ddot{a} > e$, $e > i$: *urta* < *oraža 'белка', *palo > *pol 'деревня' и т. п.); согласный β , инициальное ударение¹⁴, отсутствие звука x), морфологический (формантный) (варианты **jol-*: **ul-* у глагола 'быть' — *joluš 'пусть будет': *ul 'был')¹⁵, семантико-типологический (**ul'sims* 'умирать (< становится бывшим)')¹⁶. Учет упомянутых критериев, указание всех их или хотя бы их части на мерянское происхождение слова позволяет с большей или меньшей долей вероятности относить его к уже рассмотренным исконным или заимствованным элементам мерянского языка. К последним на основании данных критериев можно отнести заимствования: 1) из какого-то субстратного индоевропейского языка (видимо, представителей фатьяновской культуры) (яросл. *бен-и*¹⁷ 'вилы-двойчатки' < мерян. *βei то же < и.-е. *dwāni '(вилы-)двойни'); 2) балтийские (углич. (арго) *кирбяс* 'топор'¹⁸ < мерян. *kirβās < ? приб.-фин. *kirves < лит. *kirvis* то же); 3) болгарские (яросл. *пáхча* 'различные овощи (свекла, брюква, огурцы)'¹⁹ < мерян. *páhča то же < болгар. *paхčá (> чуваш. *пахчá* 'огород, сад'); 4) угорские (костр. *халéть* 'умирать'²⁰ < мерян. *halims то же, *halema 'смерть' (венг. *halni* 'умирать' (при собственно мерян. *kolims 'подыхать, тяжело болеть', *kolema 'тяжелая болезнь, смерть' (фин. *kuolema* 'смерть'), ср. яросл. *колеть* 'умирать (о скотине)' (Мельниченко 90), костр. *колему колеть* 'тяжело болеть'²¹); 5) славяно-русские (костр., яросл. *коронитъ* 'прятать'²² < мерян. *koronims < др.-рус. *хоронити* то же). Восстановление первоначального облика мерянских слов, сохранных в русском иногда в одной из застывших «несловарных» форм (галич. (арго) *Нерон* 'Галичское озеро'²³, род. пад. ед. ч. от мерян. *nero 'болото'²⁴) или обросших русскими формантами (костр. *при-о-тудоб-еть* 'окрепнуть (< прийти в себя)'²⁵ от мерян. *tudoja '(осо)знающий'²⁶), требует снятия позднейших наслоений и объяснения структуры слова. Методы внешней и внутренней реконструкции, применяемые при этом, дают возможность воссоздать соответствующие мерянские лексемы в предполагаемой исходной форме большей или меньшей хронологической глубины.

- 1 Слова торговцев г. Углича, доставленные Н. Свешниковым (денежный счет, отдельные слова и речь). — Ярослав. ист. музей, ф. № 37, ед. хр. 322 (листы 80—93), 82.
- 2 *Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. — III. Merja und Tscherenissen. — Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Berlin; Wiesbaden, 1971, I, 417.
- 3 *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974, 372.
- 4 *Vasmer M.* Op. cit. 417 (сравнение с топонимом *Ружа* в Муромском уезде сомнительно уже в связи с тем, что здесь в прошлом обитала мурома, по языку, видимо, более близкая к мордве, чем к мере).
- 5 Слова торговцев... 92.
- 6 Труды Общества любителей российской словесности. М., XX, 166.
- 7 *Ткаченко О. Б.* Merjanica. Фрагменты мерянской глагольной системы: Спрягаемые формы. — СФУ (1983) XIX, 107.
- 8 *Vasmer M.* Op. cit., 417.
- 9 Костромская область (карта). М., 1975.
- 10 *Vasmer M.* Op. cit., 417.
- 11 Ibid.
- 12 *Ткаченко О. Б.* Проблема реконструкции дославянских субстратных языков на основе славянских субстратных элементов. — IX Міжнародний з'їзд славістів. Слов'янське мовознавство. Доповіді. Київ, 1983, 224—225.
- 13 *Ткаченко О. Б.* Проблема... 223; *Он же.* Merjanica... 109.
- 14 *Ткаченко О. Б.* Проблема... 231, 232, 236; *Он же.* Merjanica, 105.
- 15 *Ткаченко О. Б.* Merjanica... 109—110.
- 16 Там же, 108.
- 17 Картотека Ярославского областного словаря.
- 18 Слова торговцев... 89.
- 19 Картотека Ярославского областного словаря.
- 20 Материалы Костромского научного общества, хранящиеся в архиве Костромского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (бывш. Ипатьевский монастырь).
- 21 Материалы картотеки Словаря русских народных говоров.
- 22 Картотека Ярославского областного словаря.
- 23 *Виноградов Н. Н.* Галичские немцы. Условный язык галичан (Костромской губернии). — ИОРЯС XX (1), 48.
- 24 *Ткаченко О. Б.* Проблема... 229.
- 25 Материалы Костромского...
- 26 *Ткаченко О. Б.* Merjanica... 105—106.

В. Н. Топоров

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ЭТИМОЛОГИИ

Этимология в наибольшей степени оправдывает себя в среднем диапазоне, и наиболее ценные и надежные результаты достигаются в той же «средней» зоне, когда не ставятся крайние вопросы, связанные с сутью этимологии, понимаемой как логический предел становления этого понятия. Практика сравнительно-исторической этимологии, как правило, не пуждается в обращении к предельным случаям ни в плане ориентации на максимально обширный языковой материал, ни в плане достижения «абсолютно» исходного

состояния (предельная хронологическая глубина), ни в плане выявления «последней» бытийственной сути этимологизируемого слова. Поэтому этимология сравнительно-исторического типа заинтересована, как правило, в совершенствовании своих собственных методов при сохранении имеющейся системы постулатов и принципов. Этой установкой объясняется недостаточное внимание к иным типам этимологизирования, которые, если и попадают в сферу внимания сравнительно-исторической этимологии, то обычно в связи со случаями, рассматривающимися как второстепенные, периферийные, составляющие исключение.

При несомненной важности и бесспорно ведущем положении этимологии как отрасли сравнительно-исторического языкознания, общая картина будет неполной при игнорировании младших братьев этой «научной» этимологии, остающихся непризнанными ею («народная» этимология, к которой, кстати, нередко соскальзывают, не всегда отдавая себе в этом отчет, и представители «научной» этимологии; «мифопоэтическая» и «онтологическая» [менее удачно — «философская»] этимология и др.). Не следует забывать, что потребность в этимологизации широко распространена и отражает один из важных параметров языковой компетенции. Даже «профанческая» этимологизация не всегда чистая забава и пристрастие к куптюкам. Нельзя отрицать в ней ориентированности на поиск более глубоких и сокровенных смыслов, на определение истоков и связей слова, на «истинное» понимание языка (> овладение им) и — в известной степени — внешнего («подъязыкового») мира. Человек, не являющийся профессиональным этимологом, но этимологизирующий данное слово, как правило, ищет другое, в т о р о е (помимо лежащего на поверхности и всем известного) значение слова, которое стоит за первым значением и в конечном счете определяет его. Эта зависимость объясняется тем, что второе значение склонны рассматривать не только как предшествующее или даже ископное, но и как такое, которое непосредственно выводится из внеязыкового мира (мира вещей) и, следовательно, отражает прямую связь знакового с дознаковым. Знание значения, особенно исходного и/или скрытого, важно для человека. В известной мере именно на этом знании основан социальный престиж жреца, шамана, мистагога, прорицателя, поэта как открывателей и толкователей новых смыслов. В силу этих своих способностей они не только могут понять мир, но и к о н т р о л и р о в а т ь его в том фрагменте, с которыми соотносено данное слово, управлять им, отвоевывая у хаоса все новые и новые участки и космизируя их, в частности, языком, словом. Поэмы, где наиболее активно и очевидно демонстрируется освоение внеположенного мира с помощью языковой магии, служат собственными именами, которые в архаичных (и не только в них) коллективах образуют наиболее продвинутой участок языковой политики. При обостренном внимании к скрытому смыслу, предполагающем наличие б о л е е чем одного смысла у слова, мифопоэтическая этимология ориентирована в принципе на о д и н у ю форму и не ставит вопрос о ее источнике.

Во всяком случае, как бы ни различались между собой отдельные типы этимологии, они обнаруживают немало общего между собой, и поэтому целесообразно постулирование некоего обобщенного уровня, связывающего наиболее непосредственным образом «языковое» в этимологии как роде деятельности с «внеязыковым». В частности, приходится обратить внимание на то, что импульсы к этимологизированию во всех ситуациях оказываются в своей основе одинаковыми, а стратегия очень сходной, хотя орудия анализа существенно различны. Наконец, существует и такая перспектива, внутри которой именно пренебрегаемые виды этимологии становятся ведущими, а сравнительно-историческая этимология трактуется как нечто второстепенное (смысловая бедность, приоритет голыи техники и т. п.). Обобщение опыта этих «меньших» этимологий и вскрытие их принципов, позволяющее соотнести их со структурой человеческого познания, безусловно принадлежит к числу самых актуальных потребностей как языкознания, так и более широкого круга наук о человеке. Вместе с тем этот опыт не может, хотя бы отчасти, не быть полезным и для этимологии «обычного» сравнительно-исторического типа, поскольку и в ней отражены (правда, не всегда осознаны) некоторые характерные черты «меньших» этимологий, сложившихся, разумеется, намного ранее.

К числу таких отражений нужно отнести известную неоднородность слов в отношении их этимологизации сравнительно-историческими методами. В определенном смысле можно говорить о двух полюсах. В одном случае этимология как бы полностью, без остатка исчерпывает слово, не оставляя места для дальнейших вопросов: результат этимологии представляет собой нечто вроде застывшего и совершенного в своей законченности к р и с т а л л а. В другом случае этимология оказывается не оконченной (она не исчерпывает слова, обозначая скорее лишь место «в х о ж д е н и я» в нее и некую совокупность возможных путей дальнейшего исследования; нередко в этой ситуации первый шаг раскрывает перед исследователем еще более сложную картину), не централизованной, но только намекающей на ее неисчерпаемость и глубинные потенции и одновременно вызывающей череду вопросов; результаты такой этимологии могут быть, — продольная аналогия, — уподоблены клетке с ее скрытыми резервами, гибкостью, динамичностью, способностью к дальнейшему развитию и отзывку на внешние условия. Эти различия носили бы несколько теоретический характер, если бы не оказалось, что к последнему случаю относятся о с о б о т м е ч е н н ы е слова, являющиеся наиболее существенными конструктами модели мира и, как правило, выступающие как преимущественный объект мифопоэтической или онтологической этимологии (эта неравномерность словаря с точки зрения потенций этимологизации его элементов может быть сопоставлена со сходным явлением в философии, где именно ключевые понятия типа бытия или абсолюта оказываются вне определений, или в поэтике с установкой на метафоризацию наиболее емких образов, сложность которых на несколько порядков превосходит сложность «элементарных»

образов). Эти слова-«клетки», собственно, и образуют то поле, где разворачивается этимологическая «драма» со всем богатством наличных и мыслимых смыслов. Именно здесь с особой очевидностью выясняется, что понятие о к о н ч а т е л ь н о й (абсолютной, единственно правильной) этимологии для целого класса слов является пляззией, что отношение семантической структуры слова и его этимологии как бы меняется. «Объективная» этимология становится малоэффективной, а намеки на интенсивные этимологические решения начинают определяться разными конфигурациями «самопорождающихся» смыслов, приобретающих бесспорное первенство. В этих условиях за получаемыми предварительными этимологическими результатами всегда стоит нечто их предопределяющее и направляющее. В исходном положении даны некоторые знаки, пока, на первый раз, годные лишь для ближайшей паличной ситуации *hic et nunc*. Но эта ситуация таит в себе для исследователя возможность пройти всю толщу мыслимой семантической плоти и тем самым создать более шодное пространство для более адекватных этимологических решений, сумма которых описывает реальное или потенциальное единство. При этом этимология может выступать не только и, видимо, не столько как вскрытие истоков исходного единства, сколько как указание на некий итог, на завершение перспективы «идеального» единства — п р е д е л а смысловых потенций слова на предлагаемом пути. Онтологическая (отчасти и мифопоэтическая) этимология, ориентирующаяся на преодоление слоя «объективированных» решений и на улавливание (> конструирование) бытийственных смыслов, как раз и занята реконструкцией (точнее — «п р о - к о н - с т р у к ц и е й») этих новых смыслов и параллельно конструированием нового способа описания подобных слов. Очень существенно, что фокусом возникновения таких слов с новыми смыслами (семантических мутантов) является особый класс текстов, в которых данное слово помещается в такие контексты, которые приводят к расщеплению исходного смысла на новые элементы или, напротив, к синтезу новых смыслов из паличных (своего рода «синхрофазотрон» для получения — при высоких энергиях языкового творчества — новых единиц смысла). В этом контексте нельзя считать случайностью возможность, открывающуюся перед онтологической и мифопоэтической этимологией, с и я т и я той оппозиции формы и содержания, на которой держится как обычная трактовка структуры языка, так и, в частности, вся практика сравнительно-исторической этимологии; в з а и м о п р о т и в о с т о я н и я обоих этих планов и их м е н ы местами; сложнейшей и г р ы между человеком и языком, «этимологом» и «этимологизируемым», в которой положение ведущего и ведомого все время меняется. Последнее нуждается хотя бы в кратком разъяснении. Речь идет о разных, даже полярных, типах взаимоотношений между участниками этой «игры». В о д н и х случаях человек активен по отношению к языку (слову), по крайней мере — на поверхности, но несвободен; он ищет, пробует, делает допущения, но, по сути дела, он зависим от объекта исследования и в конечном счете примет то, что позволит ему обнаружить в себе

объект — не более чем элементы статически завершенного характера. В д р у г и х случаях характер отношений иной. В крайний миг озарения, когда творческая энергия человека («поэта», «этимолога») реализуется в сознании преодоления элементарной зависимости от языка, своего господства над ним, перед человеком открывается возможность творить в языке максимум возможного. Но эта высшая свобода достигается именно потому, что человек отдается языку, уверяет ему себя, позволяет овладеть собой. («Соотношение сил, управляющих творчеством, как бы становится на голову. Первенство получает не человек и состояние его души, а язык, которым он хочет его выразить»). Пастернак.) Это смирение и мнимая пассивность приводят к подлинной свободе в отношении к языку. Человек начинает улавливать («легко») возможности языка и на их основании строить такие контексты, где слово не может не породить новые смыслы. Сначала эвентуальные и жестко связанные с местом своего происхождения, в дальнейшем они обретают независимость и ту степень свободы, когда язык ведет человека, заражая его своей свободой. Если слово, действительно, не раб вещи, если оно «блуждает с в о б о д н о» вокруг нее, как «душа вокруг брошенного, но не забытого тела» (Мандельштам), то это как раз и означает, что поэт и конгенный ему «этимолог», подобно повивальной бабке, присутствуют-участвуют в этом процессе рождения новых смыслов, «раскрепощающем» смысловые потенции до тех пор «связанного» слова.

Другое следствие особого статуса подобной этимологии и аналогичного медуса этимологизирования — в прямой зависимости между структурой семантической парадигмы слов (набором семем) и правилами синтагматического развертывания этой структуры в соответствующем тексте, иначе говоря, в паличной ситуации, когда все мотивы, связанные с данным словом в мифе или философско-религиозном тексте, суть этимологические решения этого слова. Отсюда же — п о о п и с а н н а я раньше возможность связи синхронно-семантического и этимологического (resp. «логического» и «исторического»), а также проблема неединственности этимологических решений («полиэтимологичности»), которая должна трактоваться не экстенсивно (неумение выбрать из ряда решений одно, главное), но и н т е н с и в н о — как следствие некоторых принципиальных и неотъемлемых характеристик самого слова. В этом плане этимология не просто отрасль исторического языкознания, фиксирующая некоторое исходное состояние, но с м ы с л о с т р о и т е л ь н а я дисциплина, объясняющая (> конструирующая) связи внутри семантической структуры слова. А поскольку существует отмеченная выше связь семантической структуры слова и ее проекции на синтагматическом уровне, для исследователя возникает (помимо известной возможности судить о семантической парадигме слова по данным текста, в который оно входит) еще одна возможность — учитывать (хотя бы в вероятностном плане) при построении некоего текста с з а д а н н ы м и словами возможные способы отражения в нем данных семантических структур (парадигматических

отношений внутри слова). Наиболее выгодные условия для подобного рода экспериментов и проверок открываются при лингвистических реконструкциях архаичных мифопоэтических текстов, когда синтагматика восстанавливаемого фрагмента текста в той или иной степени предопределяется и контролируется семантической структурой присутствующего в данном фрагменте слова и, следовательно, оказывается в связи с этимологией слова: в одних случаях текст — «родимое» место этимологии, в других, этимология — организатор текста, его «выпрямитель», диспьющий необходимость введения в текст данных смыслов и данных звуковых конфигураций.

Эти рассуждения подводят к идее *о т н о с и т е л ь н о с т и* этимологии в целом ряде аспектов (не учитываемой чаще всего в этимологии «среднего» диапазона): относительность, определяемая зависимостью от принадлежности к тому или иному слою словаря; от объема сравниваемого материала (ср. противоречие между «завершенными» этимологиями, с точки зрения данной языковой традиции не оставляющими никаких зазоров для более глубокого анализа и никаких сомнений в правильности среди исследователей, и статусом этих «завершенных» этимологий при расширении материала за счет родственных языковых традиций или макросемей языков, когда «завершенность» не только может ставиться под сомнение, но и категорически опровергаться; та же ситуация возникает иногда в связи с *о б ъ е м о м* используемого текста или с его *т и п о м*); от требуемой глубины реконструкции; от самого этимолога (в частности, от его места во временном ряду — всегда «выше» описываемого состояния). Здесь уместно обозначить лишь этот последний аспект. Суть процесса этимологического исследования может быть описана тавтологической фразой «этимолог этимологизирует этимологизируемое (подлежащее этимологии)». Но на должной глубине эта схема не может быть сведена к субъектно-объектной операции (человек → язык) по той причине, что субъект-этимолог выступает в этой роли лишь постольку, поскольку он владеет языком (или владеет им), т. е. объектом, и поскольку этот объект включен в субъектную структуру этимолога. Эта принадлежность к языку делает самого этимолога отчасти объектом, во всяком случае заставляет его «объективировать» языковое, овеществлять его. Но тем самым и объект (этимологизируемое) оказывается включенным в этимологизирование; он подталкивает субъекта-этимолога и через него как бы анализирует в себе субъективный слой (ср. у Новалиса: «Der Künstler gehört dem Werke, und nicht das Werk dem Künstler». — *Fragmente*). Помните об этой взаимозависимости этимолога и этимологизируемого, об игре рефлексивности необходимо, и приведенная выше фраза «Этимолог этимологизирует этимологизируемое» показательна именно своей сплошной тавтологичностью и по сути дела.

И последний из рассматриваемых здесь аспектов относительности этимологии связан с неполнотой картины этимологической истории слова, когда этимолог рассматривает ее «сверху» (из современности). В этом случае исследователь видит результаты и следствия, но не видит «черешков», т. е. тех семантических (в основном) квантов, кото-

рые характеризовали своим появлением введение новой составляющей и, следовательно, начало нового периода в этимологической истории слова. Правда, теоретически эта неполнота могла бы быть компенсирована находящейся с нею в дополнительном распределении неполнотой взгляда «снизу» (из прошлого), когда гипотетическому наблюдателю были бы видны именно «черешки», но оставалась бы неизвестной их судьба: иначе говоря, он фиксировал бы мутации, но не видел бы ни их результатов, ни как они вводятся в парадигму, в семантическую структуру. Разумеется, взгляд «снизу» недоступен этимологии (как, кстати, и биологии, где он мог бы сыграть исключительную роль при решении ряда вопросов эволюции). Однако языкознание накопило значительный материал по истории развития языка. Он дает некоторые основания не только для определения типов возможного развития данного фрагмента языковой системы, но и для осторожного моделирования тех «про-конструктивных» схем, которые могли бы быть увидены лингвистом, наблюдающим известные нам схемы «снизу».

«Относительность» этимологии, неуклонно возрастающая в предельных ситуациях, не должна квалифицироваться только как помеха, несовершенство, изъян. Она — из разряда тех необходимостей, которые возникают при максимальных жертвах, приносящих максимальный выигрыш. Ч у д о этимологии уходит своими корнями прежде всего в ту предельную область, где освобождаются высшие энергии и берут начало его наиболее глубокие смыслы. В этом плане оно также неотделимо от этимологической «относительности».

Г. А. Цыхун

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКОЙ МЕТАФОРЫ

Новый этап в славянских этимологических исследованиях характеризуется расширением «прав» праславянского слова, что связано в первую очередь с привлечением типологических и ареальных критериев при реконструкции. Подобно слову в живых славянских языках за ним признается право на цельнооформленность. Постепенно утверждается его право иметь ареальную характеристику в пределах гипотетического праславянского языкового пространства. Наряду с этим все настойчивее проявляется стремление выявить у праславянского слова иерархически организованную систему значений в противоположность диффузной семантике, приписываемой ранее праславянским лексическим элементам при попытках охватить все возможные результаты семантических сдвигов в различных славянских языках. В этой связи значительный интерес представляет проблема переносного употребления ряда праславянских слов, на базе которого могло происходить формирование народных терминов, подобно тому, как это наблюдается в современных славянских языках. Речь идет, в частности, о непосредственном, не осложненном